

Владимир АНИКЕЕВ

АЛЬБОМЧИК ПО СЕВЕРУ, 1969

Каждый раз, когда в феврале на Смоленщину обрушиваются сильные морозы, я вспоминаю наш студенческий лыжный поход по Карелии более чем полувековой давности, в январе-феврале 1969 года. Многое в памяти уже стерлось, да и кому теперь интересно, где и как проводили каникулы студенты, столь презируемой ныне «совковой» страны, вступающей в период своего «застоя». В современной жизни можно найти себе более приятное и прагматичное времяпрепровождение, чем чтение старых туристских отчетов. Правда, я никак не могу понять, почему десятки, сотни людей (нет, не тех, кто сидит у телевизора в своих квартирах – это их личное дело), а образованных и умудренных жизненным опытом, часто заслуженных и творчески успешных, даже знаменитых, находятся в телестудиях и охотно принимают участие в разных мерзостных передачах «андрюшималаховского» толка – отупляющих и никчемных, проходящих обычно на пике негативных эмоций, где главное – это «поднятие» большого высокорейтингового «бабла» для самих себя обожаемых, невзирая ни на что, ни на какие нравственные принципы. Но, при чем тут наше давнее лыжное путешествие по Карелии? Последние несколько лет на разных телевизионных каналах активно «прокручивается» история так называемого «перевала Дятлова», где в январе 1959 года погибла группа студентов Уральского политехнического института, совершавших под руководством Игоря Дятлова лыжный поход по Северному Уралу. Десятки «специалистов», прямо-таки с остервенением, выдвигают свои предположения причин гибели группы, самые невинные из которых – это внезапно налетевший ураган, сход снежной лавины и конфликт в группе. И еще целый поток версий, больше похожих на плод воспаленного воображения или на откровенные инсинуации: нападение «йети», приземление НЛО или потерпевшего катастрофу вражеского самолета-разведчика; внедренный в группу агент, истребивший туристов; испытание секретного оружия (два варианта – «нашими» и американцами) и даже «зачистка» группы советским спецназом (которого тогда, наверное, и в помине не было). Кажется бы – пускай себе, пусть изощряются. Но зачем нужно было раскрывать результаты криминалистических экспертиз – сообщать о пустых глазницах трупов и вырванных языках (пока три недели шли поиски исчезнувшей группы, в дикой природе птицы и звери никуда не делись), демонстрировать эксгумированные останки, пересчитывая сломанные ребра и кости. А каково было слышать и видеть это близким родственникам погибших? Не лучше ли было остановиться на экстремальном стечении обстоятельств и недостаточной подготовленности группы (или опыта руководителя)? Жалко ребят. Особенно девушек – могли бы детей нарожать – и внуки бы уже выросли. У нас тогда в Карелии в 1969 году тоже был свой «перевал».

28 января 1969 года

Зимой 1969 года, в студенческие каникулы, мы – шестеро ребят и три девушки – отправились в спортивное лыжное туристское путешествие II категории сложности по Карелии. Большинство из нас были новичками: лишь я – руководитель, имел опыт зимнего

похода по Карпатам, и Елена Тарасова – по Селигеру. Поход считался легким, поскольку проходил по населенной местности и «холодных» ночевок не предполагалось. Но, на всякий случай мы взяли с собой две маленьких палатки и два топора (один из них «туристский» – колышки забивать). Опасались мы только полыньей, которые, по описаниям, встречались на Онего-озере даже зимой в местах, где били родники. Маршрут я разработал сам, так, чтобы он проходил через остров Кижы, архитектурный ансамбль которого еще не был так всемирно известен, но дивные храмы стояли в первозданном виде, и там уже был организован музей. Вместо карты у нас была калька с какой-то туристской схемы, но в Петрозаводском госуниверситете (ПГУ) у нас были друзья-туристы, и мы рассчитывали получить от них самую подробную информацию по маршруту. Когда мы приехали в Петрозаводск, оказалось, что на Карелию обрушились сильные морозы, и местная маршрутно-квалификационная комиссия запретила всем своим туристским группам выход на маршруты. Нас этот запрет не касался, так как мы выпускались у себя, но петрозаводчане искренне посоветовали нам вместо похода провести время вместе с ними в дружеском общении. По нашему маршруту они тоже ничего вразумительного сказать не могли, так как в походы ходили на Приполярный и Северный Урал, в Хибинь или в Сибирь в тайгу, а в Кижы с комфортом добирались на теплоходе. Пообщавшись с друзьями, мы решили, что все-таки пойдем! Когда мы выезжали из Петрозаводска, температура воздуха была минус 38 градусов. Автобусом добрались до деревни Суйсарь, в 36 км севернее столицы Карелии. Перешли на соседний одноименный остров с покосившейся часовенкой и десятком домов. Заночевали у одинокой бабки. Внизу возле топившейся печки стояла бочка с водой, покрытой коркой льда. В верхней же, крохотной зимней горенке было тепло, но мы все еле уместились в спальниках на полу.

29 января

Чтобы попасть в Кижы с острова Суйсари (а деревня носит название – «Суйсарь»), нужно было перейти по льду залива Большой Онего в его северо-западной части и выйти к Большому Леликовскому острову, на восточном берегу которого, как было обозначено на схеме, должна была находиться деревня Леликово, место нашего ночлега. Но от деревни Суйсарь до острова Б. Леликовского, напрямик по льду было порядка 30 км, кроме того, нужно было еще обходить остров с севера или с юга, чтобы выйти к деревне, что добавляло еще не менее 6-8 км. В первый день похода пройти такое расстояние с тяжелыми рюкзаками было невыносимо, поэтому при разработке маршрута был предусмотрен первый акклиматизационный переход на мыс Чажнаволок в 8-10 км северо-восточнее деревни Суйсарь. Мыс этот образован Кондопожской и Уницкой губами («губа» – это поморское название далеко вдающихся в материк заливов и бухт). Выход с Чажнаволока давал нам возможность сократить переход к Б. Леликовскому острову на 10-12 км. Выходили мы в солнечную погоду с хорошим настроением – местные жители подсказали нам, что на самом мысу стоит рыбацкая хижина. Как прошел первый дневной переход, можно прочитать на страничке отчета, который в спортивном туризме, по окончании путешествия, представляется в маршрутно-квалификационную комиссию для защиты:

«В 10 часов группа становится на лыжи. Утро солнечное и безветренное. Термометр на избе показывает минус 38 градусов. Движемся вдоль западного побережья острова и огибаем его с севера. Возле берега очень глубокий снег. Выходим к северо-западной оконечности острова, здесь под его защитой короткая передышка. С Онего-озера вдоль Кондопожской губы дует небольшой ветер. Справа открывается бескрайнее пространство озера, впереди, на севере, темнеет узкая полоска выступающего мыса Чажнаволок. Залив пересекаем не торопясь, без остановок (сразу дает себя знать мороз). Лыжню тропить легко, снег на озере толщиной не более 10 сантиметров. Затрудняют движение частые мелкие торосы. В 14 часов выходим на мыс. Весь остаток светового дня уходит на подготовку к ночлегу и приготовление обеда. Ночуем в летней заброшенной рыбацкой хижине, стоящей на самом краю мыса и открытой всем ветрам. Хижина размером 2х3 метра, внутри двое полусгнивших развалившихся нар, зато есть настоящая чугунная печка-буржуйка с трубой, выведенной на крышу. Ночью дает себя знать поднявшийся ветер с озера».

Добравшись до хижины, мы, к своему удивлению, услышали невдалеке звонкие голоса и смех. Разведка донесла, что это группа одесситов (человек 16–18 и половина из них – девчонки), подобно нам отправившихся в лютый мороз покорять просторы Карелии. Они напилили жердей, поставили на них армейскую шатровую палатку, развели рядом большой костер и резвились возле него.

Пока мы тащились по снежным застругам, одесситы утренняя автобусом из Петрозаводска проехали на одну остановку дальше Суйсари и прошли по просеке к мысу Чажнаволок, остановившись на краю леса в затишье (у них была подробная карта – не чета нашей примитивной схеме). В отличие от нас, они шли дальше с мыса Чажнаволок не на юго-восток, как мы, пересекая залив Большой Онего, а на северо-восток, к населенному материк, где на карте у них была обозначена деревня Узкая Салма. После того, как мы отыскивали на берегу несколько вмерзших в лед бревен, и поковыряли их топором, я отправился на поклон к одесситам. В просторной палатке было натоплено так, что некоторые из ребят лежали вповалку на спальниках едва ли не в маечках. Еще бы: у них было две печки, две пилы и четыре топора (на 18 человек – это нормально). Одну двуручную пилу нам одолжили до самого утра.

Хижина стоявшая на самом краю голого мыса и слепленная из досок, кусков фанеры и жести, продувалась насквозь. Дверей не было вообще, и мы завесили проем палатками. Когда печка раскалилась докрасна, сидеть рядом было уже нельзя, и половине из нас приходилось стоять у входа, (а, значит, и мерзнуть) или выскакивать напару наружу и греться пилкой бревен и колкой чурбаков. К утру мы завалили хижину почти наполовину и девчонки, закутавшись в спальники, полулежа дремали уже не на нарах, а на дровах.

Так, практически без сна, мы провели всю ночь. Если днем, перед этим, было минус 38, то ночью, наверняка, было за минус 40 с лишним.

Пилу мы вернули одесситам утром, перед выходом на маршрут. Они еще собирались большой веселой гурьбой. Переход их составлял всего 12 км и их берег, хоть и едва, но был различим на горизонте. Мы тогда не знали, что еще встретимся с ними в Петрозаводске через неделю. Их путешествие продолжалось всего один день. Перед выходом они смазали лица и руки гусиным жиром, который примерз к коже, и, добравшись до первого же населенного пункта на берегу, до Узкой Салмы, они закончили поход. Их вывозили по несколько человек лесовозами, благо, что рядом пролегал тракт лесозагото-

вителей, а двоим ребятам, поморозившим ноги, местные жители вызвали санитарный самолет и отправили их в больницу в Петрозаводск.

30 января

Утром, невыспавшиеся и намерзшиеся, мы выбрались из хижины. Собирались долго (что было на завтрак: концентратовый супчик или кашка, я уже не помню). Вышли поздно, в 10:30, но одесситы еще позже – когда мы уходили, со стороны их стоянки слышались радостные девичьи взвизги. Денек выдался хороший: солнце сквозь туманное, морозное марево пробивалось ярким размытым пятном. Противоположного берега не было видно, со стороны Большого Онего веял легкий ветерок. Нужно было выбрать направление движения – «азимут». Со своим «богатым» туристским опытом я никогда не пользовался компасом. Да и как было «брать азимут», если перед тобой до самого горизонта ледяная пустыня? Покрутив переведенную с карты кальку, я определил гипотетическую точку на горизонте, и, замотав лица шарфами, мы пошли. Идти пришлось частично по наметенному снегу, частично по обнаженному темному льду, где лыжи скользили и разъезжались. Останавливаться на открытом пространстве было бессмысленно, сразу же начинали замерзать. Да и питья горячего мы с собой не взяли – термоса у нас не было, их вообще не было в то время металлических, а большие китайские стеклянные легко разбивались и были в дефиците. О перекусе же никто и не помышлял.

Наконец настал момент, когда исчез берег, с которого мы вышли, не виден был и противоположный. Самым сложным было выйти на узкую перемычку между материком и полуостровом Большой Климецкий, а затем по протоке к острову Большой Леликовский, где на восточном берегу его должна была находиться деревня Леликово, предполагаемое место нашей очередной ночевки. Если бы лес на побережье стоял сплошной стеной, можно было выйти не зная куда и соображать: искать ли перемычку на севере от места выхода на побережье или на юге. На севере, км в 20 находилась деревня Узкая Салма, к которой от мыса Чажноволок ушли одесситы. На юг пришлось бы идти вдоль полуострова Большой Климецкий, огибать его и выходить на восточный берег острова Большой Леликовский (в общей сложности км 40–45). Но в каком направлении двигаться – это были уже проблемы руководителя. Остальные шли молча, время от времени отворачивая лица от ветерка со стороны озера, который все крепчал. Наконец, на горизонте обозначилась темнеющая полоска противоположного берега. Идти стало веселей! По крайней мере, не так одиноко, как в ледяном безбрежье. Но это была только половина пройденного пути.

Наконец, стали различаться стволы деревьев и, к моей радости, низенькая каменистая гряда между ними в центре – мы вышли точно на перемычку, соединявшую полуостров с материком. Но в метрах пятидесяти от берега, напротив перемычки, на льду появилось нагромождение заснеженных торосов, идти по которым на лыжах было невозможно. Обойдя их южнее, мы вдоль берега, вернулись на узкую каменистую перемычку. Отсюда за поворотом на юг открывался, как свидетельствовала наша примитивная схемка, проливчик, ведущий к деревне Леликово, расположенной на одноименном острове. Я сразу же послал двух ребят крепче пройти, посмотреть далеко ли до дерев-

ни, и заодно хоть немножко проложить лыжню. Пока мы топтались на месте, стараясь не замерзнуть, и доставали из рюкзаков первый за день «перекус», стало смеркаться. Полной неожиданностью для нас стало то, что копченая колбаса (жуткий дефицит в то время) оказалась как железный лом – не укусишь, а хлеб как кирпич – не угрызешь. Выручило сало, кусок которого, по счастью, мы захватили с собой. Сало нарезалось как обычно, и жевалось с удовольствием. Развести костер на каменной перемычке было невозможно – метрах в пятнадцати по обе стороны от нас стояли только заснеженные вековые ели. Разведка наша куда-то запропастилась – исчезла и не звука. Становилось тревожно, стоять, замерзая на морозе, и ничего не предпринимать, было глупо. Я велел взять фонарик и послал еще одного парня по лыжне разведки, но только до поворота в пределах видимости, и там покричать и посигналить, чтобы те возвращались. Еще двоих я отправил вдоль берега со стороны озера, где мы уже проходили, огибая торосы, присмотреть место, где можно было бы поставить палатки. И остался один с девчонками и рюкзаками. Под звездами. Потому что уже совсем стемнело.

31 января (ночь)

Напряженно вглядываясь в синеву северной ночи, я молча стоял с девушками на узком заснеженном перешейке. Промерзшие и голодные, они держались молодцом, опираясь, наверное, из последних уже сил, на лыжные палки. Ветер стих, а мороз, напротив, только крепчал. Позади нас была ледяная пустыня с рыбацкой хижиной, наполовину заваленной дровами; впереди – зловеще темнеющая стена заснеженного леса.

Минут через 15–20 у поворота послышались голоса, потом замелькал лучик фонарика. Еще минут через пять я различил на снегу больше двух теней, и от сердца у меня отлегло – это возвращалась «разведка», вместе с посланными ей вслед «поисковиком». Вконец измотанные «разведчики» рассказали, что деревню они не обнаружили, прошли далеко вперед, пока не увидели слева на горизонте едва мерцающие огоньки, и решили вернуться. Еще минут через пятнадцать подошли и те, кого я посылал подыскать место для ночлега. Они в метрах ста южнее углядели на берегу, в глубине, какую-то избушку без крыши, но пробираться к ней не стали. Раздумывать было нечего, и мы все скопом отправились туда.

Полуразвалившаяся «избушка» оказалась заваленными снегом остатками баньки-«каменки» без дверей с четырьмя-пятью полусгнившими венцами и четырьмя скрещивающимися жердями на месте крыши. Первым делом я отправил двух ребят нарубить-наломать, по возможности, нижних сухих еловых веток, остальные сметали снег с сохранившихся внутри баньки «полатей» из жердей и груды камней в углу. Притоптали снег и внутри сруба. На камнях с трудом развели маленький костерчик. Набили котел снегом и примостили его в центре «очага». Минут за 15 натаяло около кружки тепленькой водички. На сорокаградусном морозе мы находились уже не менее десяти часов, пройдя при этом более двадцати километров на ветру по льду. Все настолько вымотались, что дожидаться еды или горячего питья были уже не в состоянии. Я дал команду, надеть на себя все, что возможно: все шерстяные носки и свитера, шапки и перчатки и забирать-

ся в спальники. На «полотях» расстелили палатки, на жерди, оставшиеся от крыши, попытались набросить лапник (непонятно зачем, ведь теплее от этого не стало бы). Некоторых прямо в куртках приходилось в спальники буквально заталкивать. Но двоих ребят – Женю Крюкова и Вовку Исачкина – я все-таки оставил поддерживать костерчик и периодически подходить к спящим и прислушиваться – дышат ли, живые ли они? Миша Зиновьев сам напросился остаться третьим. Я оставил «дежурным» фляжку со спиртом, наказав растирать «если что» носы и щеки, о другом возможном употреблении этого медицинского средства я как-то не подумал.

Сам я провел эту ночь тоже на «полотях» с краю, в полудреме потирая друг об друга мерзнущие ноги и прислушиваясь к дыханию и хрипам соседа (или соседки – уже не помню, кто был рядом).

31 января (день)

Проведя остаток ночи в тревожном полузабытьи, рано утром я первым стал высвобождаться из спального мешка – все равно уже было не до сна. Двое ночных «дневальных» жались возле своего костерка, третий – Исачкин, с разутой одной ногой, прижавшись рядом, сосредоточенно запихивал что-то в лыжный ботинок. Оказывается, еще вчера в рыбацкой хижине он прожег его у печки и теперь пытался чем-то заткнуть дыру. Исачкин оказался единственным, у кого сменной обуви не было. Надо сказать, что у всех девчонок на смену, для стоянок, были валенки – я еще дома предупредил, что без них в поход не возьму. Они так и прошли весь маршрут с валенками, торчащими из-под клапанов рюкзаков.

Я присоединился к троице, посмотреть, не додумались ли они вскипятить воды, чтобы заварить чай? Но Миша Зиновьев сразу стал взахлеб рассказывать, что ночью к баньке приходили волки. Выть они не выли, глазами не сверкали и не рычали, но дыхание их явственно ощущалось. Миша даже вытащил тогда из рюкзака и положил поближе под руку трехгранный штык длиной около сорока сантиметров (то ли немецкий, то ли еще с винтовки-«трехлинейки»), который он зачем-то потащил в поход (колоть дрова или резать сало он не годился).

– Мне Женек говорит: «Если он прыгнет, ты его штыком снизу, в брюхо, в брюхо!» – торопливо рассказывал Зиновьев, округляя глаза, и показал жестом, как нужно было колоть хищника. Стоявший рядом Женя Крюков согласно кивнул.

Наслушавшись про волков и оценив подвиг защитников бивака, пока мы бессовестно «дрыхли» на полотнах, я попросил вернуть мне фляжку со спиртом, поднес ее к уху и встряхнул. На удивление она была почти полной – оказалась, что пить на морозе спирт, разведенный теплой водой, настоящей, к тому же, на хвойных иголках, попавших в котелок с лапника «крыши», – занятие малоприятное.

Наконец, проснулись все. Последними поднялись девочки – видно, надышали за ночь внутри спальников, пригрелись, и вылезать на мороз не хотелось. Чтобы не создавать им трудности с утренним туалетом (снег кругом был по колено), я позвал ребят на берег – «посмотреть окрестности».

Все та же ледяная гладь, только солнышко уже не проглядывало сквозь пелену облаков. Женя Крюков ткнул меня вбок:

– Смотри! Мы же тебе говорили!

Слева, у кромки леса, было натоптано и среди пятен крови валялись остатки пиршества: какие-то кости и клочья шерсти. В лес уходили звериные следы.

Честно говоря, тогда я этим зрелищем не очень впечатлился. После двух подряд холодных ночевок одолевали мысли: «Куда дальше?» и «Что нас ждет впереди?» А сейчас я с содроганием думаю, что было бы, если бы ребята не заметили в сумерках в лесу полуразрушенный сруб? Скорее всего, мы нарубили бы наскоро лапника, расстелили на него палатки и забрались внутрь, битком, так, что и повернуться было бы невозможно. Все ли проснулись бы утром? А если на берегу не одинокий волчок нерасторопного зайчика задрал, а бродила их там целая стая с вожаком, оголодавшая в лютый мороз? Случись что, кто бы нас искал? В Петрозаводск мы должны были вернуться только через пять дней. Кроме того в Карелии мы нигде не выпускались, нас никто не контролировал – в связи с аномальными холодами, для своих групп они все путешествия закрыли. А в Смоленске хватились бы нас дней через десять, не меньше. Да и где искать, в каком месте?

Не появился ли бы после «перевала Дятлова» «привал Аникеева»?

Ведь, как выяснилось, уральские туристы разрезали палатку, и ночью в мороз (минус 20 градусов и сильный ветер) ушли (или бежали?) вниз от нее, в чем были, бросив все снаряжение, включая ботинки и спальные мешки. Кто или что их напугало?

Собирались мы долго. Идти через остров напрямик, среди деревьев по сугробам, мы не рискнули и опять вдоль берега вернулись на уже знакомую нам каменную перемычку.

От перемычки, лыжню, проложенную вчера «разведкой», пришлось тропить заново. За поворотом в узкой протоке, отделявшей полуостров Б. Климецкий от острова Б. Леликовского, на нас обрушился сильный ветер со стороны Онего-озера. Лыжню за впереди идущим сразу же заметало. Несмотря на то, что мы «застегнулись» и «завязались» на все, что возможно, и замотали лица шарфами, ветер пронизывал насквозь. Брови, шарфы и шапки, борода (у кого была) заиндевели. Влага на веках смерзлась, и приходилось, отворачиваясь от ветра, плотно зажмуривать глаза, чтобы они «оттаяли», и было видно, куда идти. Мы жались к берегу, но это мало помогало. Шестикилометровый переход с места стоянки до острова Б. Леликовский занял у нас четыре часа.

Это было единственное место, где мы обморозились и ходили потом в институте с темными пятнами: у меня – под левым глазом на скуле, у Крюкова – на обоих скулах и кончике носа, у кого-то – на носах и подбородках. Место обморожения много лет давало себя знать: мерзло зимой быстрее всего, и кожа там была дряблой.

Деревню в сумерках заметить было невозможно: она располагалась не на берегу острова Б. Леликовского, заросшего елями, а на соседнем небольшом безлесном островке. Деревня оказалась нежилой – многие избы были заколочены, хотя несколько домов европейского типа были обшиты «вагонкой», выкрашены и заперты на висячие замки. Но в сумерках все сливалось в один «лесной» силуэт, и даже покосившаяся колоколенка удачно вписывалась в него.

Проходя мимо деревни, на самом конце ее, мы заметили, что из трубы одного из домиков вьется дымок. Мы постучали и нам открыли. Удивились, конечно, обе стороны. Оказалось, что двое стариков – муж и жена – живут на острове постоянно. Летом на моторке старик (ему, наверное, было лет 60, может, даже меньше, но мне самому

было только 22) добирался до Сенной Губы – поселка в четырех километрах (эти огоньки «разведка» видела на горизонте), зимой же раз в неделю ходил на лыжах в магазин за продуктами. Мы спросили:

– А как же волки?

– Днем они предпочитают не показываться. Да и холодов таких я не помню.

Нам сразу же предложили чай из самовара. Все мои разоблачились, раскраснелись в тепле. Я посмотрел и понял, что еще минут пять, и я уже никого на мороз не выгоню. Дал команду: «Подъем!» Никто не запротестовал, но на лицах все было написано.

Даже старики растерялись: «Куда же вы?»

Через час мы были в Сенной Губе. Километра за полтора до поселка нас нагнал ураганный ветер. Испытывать терпение больше было нельзя. Остановились на ночлег в большой северной избе у одинокой бабушки. Здесь все было, как в Суйсари: внизу, где топится печь, все заиндевело, а сверху, в маленькой зимней горенке, тепло, как в протопленной баньке.

1 февраля (ночь)

В Сенной Губе все повторилось, как в первый день нашего путешествия в деревне Суйсари: «Деточки! Да кто же вас гонит в такую стужу!» Старушка-хозяйка сказала нам, что на ее памяти такие морозы стояли здесь только во время «финской» войны. В советско-финской войне зимой 1939–1940 года. Красная Армия понесла огромные потери – в основном от тяжелых обморожений бойцов, воевавших в простых армейских шинелишках.

У нас снаряжение тоже было никудышнее: лыжи – узкие беговые, порядком ободранные; ботинки лыжные – заскорузлые, никто их никогда правильно не сушил и не смазывал; палатки – тяжелые брезентовые; спальные мешки – ватные, тоже тяжелые и громоздкие. Зато все бесплатное – из институтского пункта проката. Бахилы (чтобы снег не попадал в ботинки) шили себе сами, наподобие школьных мешочков для «сменки», но ноги все равно всегда были мокрыми.

Одежка тоже была неказистая – дешевенькие свитера и какие-то болоньевые курточки, на которые с трудом натягивали еще штормовки. Только у Ирины Смушковой была меховая армейская куртка, как у летчиков (ее отец был военным врачом) и шикарная белая меховая шапка.

Мне штормовку заменила энценфалитка, доставшаяся мне как спецодежда разнорабочего геодезической экспедиции в Забайкалье (было это еще до института), с куцым капюшончиком, резинками у запястья и внизу по краю.

Застиранная, она давно уже превратилась в «тряпочную» и продувалась насквозь. Мерз я нещадно.

После каши и кружки чая в рыбацкой хижине на мысе Чажнаволок, после двух дней переходов по озеру в 40-градусный мороз и ночлега на снегу в разрушенной баньке, мы впервые ели у бабки в Сенной Губе горячую пищу.

Осоловевшие от тепла и сытости, мы тесненько улеглись в спальниках, как обычно, на полу. Иру Смушковой и Мишу Зиновьева, как молодых, отправили на печку.

Утром опять Миша Зиновьев поделился впечатлениями от проведенной ночи:

– Лежу я и вижу сквозь лапник звездочки на ночном небе. Чувствую, что замерзаю – один, в темноте и мороз лютый. И так мне стало себя жалко: ведь не пожил еще по настоящему! Открываю глаза: я весь в поту и слезы на глазах!

Оказывается, Иришка разметалась во сне чуть ли не поперек печки и спихнула Мишку со спальника.

– Лежу на кирпичах в одной маечке, и мне спину так припекло, что терпеть уже невозможно, – продолжил Зиновьев. – Вздохнул с облегчением, вытер слезы, забрался обратно на спальник и снова уснул.

1 февраля (день)

В Сенной Губе, помимо магазина, оказалось еще и почтовое отделение. Утром я поставил печать (отметку с датой) в маршрутной книжке, и мы пошли дальше на север по зимнику – дороге, маркированной еловыми ветками. Над одним из островков заметили возвышающийся шатер с луковичной главкой, покрытой лемехом (деревянная имитация черепицы на главках северных храмов). Подошли, прочитали на уже проржавевшей местами табличке:

«Памятник архитектуры Часовня Богоматери Знамение XVIII век.
Охраняется государством».

Потоптались немного рядом, задирая головы, сфотографировали памятник и пошли дальше. От Сенной Губы до острова Кижы 11 километров. Пришли засветло, еще в середине дня.

Кижы – это вытянутый с севера на юг узкий остров, где помимо знаменитого Кижского погоста, расставлены и другие постройки – памятники деревянного зодчества. Собственно ради этого и затевался наш поход – прийти и увидеть все на месте в естественной природной среде. Туризм тогда не был так развит, хотя какой-то экскурсионный теплоход уже ходил и причаливал у самого ансамбля. Но студентам такое путешествие было не по карману, да нам и в голову не пришло бы путешествовать в комфортабельных каютах.

Пройдя по острову и осмотрев деревянное здание явно современной постройки (я уже не помню, была ли там какая-нибудь вывеска, но вроде это была контора музея), мы, сняв лыжи и отряхнувшись от снега, открыли дверь и стали входить вместе с клубами морозного воздуха. И сразу послышались недовольные вопли: «Кто еще там лезет? Дверь закройте!» «Москвичи!» – определил я, и не ошибся. Их, когда мы шли через Большой Онего, две группы – человек 25, забросили сюда из Петрозаводска (это 70 км южнее) самолетами местных авиалиний Ан-2 на экскурсию. Но потом погода испортилась: стало пасмурно, видимость упала, и задул ветер, рейсы отменили, и они уже третий день, пока мы покоряли заснеженные просторы Карелии, обозленные лежали (чуть не вырвалось – «валялись») вповалку на каких-то матрацах, не высовывая носа на улицу.

Кое-как приткнув рюкзаки и лыжи, снова сопровождаемые недовольными репликами, мы отправились осматривать уникальные кижские памятники: 22-главую Спасо-Преображенскую и Покровскую церкви, поднялись на колокольню, восхитились красотой открывающихся северных просторов. Спасо-Преображенская церковь – летняя, неотопливаемая, Покровская церковь вообще была закрыта. Но нам удалось увидеть

кижские храмы в их первозданном виде, так как Государственный историко-архитектурный музей «Кижь» был создан всего три года назад, в 1966 году, и масштабные реставрационные работы еще не начались. Даже иконостас Спасо-Преображенской церкви, который потом разобрали и на много лет вывезли на реставрацию, мы застали на месте.

Промерзшие, но довольные мы вернулись в свое пристанище. А Вовка Исачкин, мой худграфовский однокурсник, еще побегал вокруг на лыжах, «посымал». Паренек из глухой деревни Надейковичи, на границе с Белоруссией, впервые взял в руки фотоаппарат – дешевенькую «Смену» стоимостью 8 рублей (стипендия составляла 28 рублей) и старательно забегал вперед или отставал, «сымая» (так у него звучало – «снимать») наше путешествие. Не стоит, поэтому, судить строго качество фотографий: во-первых – это первая проба начинающего фотографа, во-вторых, как мы потом узнали, все остальные туристы вообще остались без фотографий, так как затворы у всей фототехники, включая дорогие «зеркалки», замерзли. И только «примитивная» «Смена» добросовестно отработала, как и Исачкин, пробежавший на лыжах в полтора раза больше нас в прогоревшем дырявом ботинке.

Я уже не помню, что мы там, в Кижях, ели, наверное, опять обошлись «сухомяткой». С трудом расчистили среди москвичей себе «пяточок» на полу и улеглись спать.

В Кижях я намеревался сделать дневку, отдохнуть, походить по острову, набраться впечатлений. В то время там уже находились перевезенные с окрестных северных деревень древнейший из сохранившихся карельских памятников деревянного зодчества – церковь Воскрешения Лазаря, часовня Михаила Архангела из д. Леликозеро, большая ветряная восьмикрылая мельница и совершенно уникальный по размаху дом крестьянина Ошевнева. Все это стояло в отдалении друг от друга, и зимой здесь можно было побродить без толп туристов и заученной «барабанной» дробы экскурсоводов, которые дают определенную информацию об «экскурсионном объекте», но зачастую мешают воспринимать окружающую среду, которая и формирует, в конечном итоге, запоминающийся образ. Это могут быть заиндевевшие двери и бревна и заснеженные, как на рождественских открытках, окрестные дали; суровые Архангелы на расписном «небе» и дивная корона куполов Покровской церкви с высоты колокольни...

У большинства же туристов, чаще всего, остается в памяти то, что главная достопримечательность острова – 22-главая Спасо-Преображенская церковь (да и Покровская тоже) – построены «без единого гвоздя». Да еще с десяток, как сейчас говорят, «фоток» на фоне шедевров русского народного зодчества. Хотя про гвозди – это выдумка: основные объемы северных храмов – четверики и восьмерики – действительно собирались плотницкими приемами без гвоздей, а вот лемех, покрывающий луковичные главы и придающий им неповторимый «чешуйчатый» узор, пришивался к основе гвоздями.

Существует еще легенда, что мастер Нестор, построивший главный храм, забросил топор далеко в Онежское озеро, потому что невозможно было повторить такую красоту. Конечно, построить в одиночку такую махину невозможно, это дело рук целой плотницкой артели. Но тот, кто замыслил это грандиозное сооружение, несомненно, был человек гениальный. Потому, что впитал многовековой опыт своих предков, ставивших когда-то в этих необжитых диких местах «клетские» часовенки – простой сруб, увенчанный куполом. Осознать все величие и красоту ныне всемирно известного архитектурного ансамбля можно лишь, когда увидишь, что на сотни километров вокруг здесь вода, камень и ели стеной, и поймешь тогда, что люди, заселившие эту суровую землю, жили в полном согласии, в гармонии с природой.

Нужно еще знать, что Кижы – не единственный северный погост (буквально – большое село, с церковью и кладбищем), их были сотни. Может быть, не все были такими крупными: считается, что на престольные праздники Преображения Господня и Покрова Пресвятой Богородицы в Кижы собирались крестьяне со 130 окрестных деревень. Это потому, что храмы кижские во славу Божию, в благодарение Ему. Ведь Преображение – это явление Иисуса Христа ученикам в белых одеждах, освященного фаворским светом; а Покров – это явление в храме Богородицы, распростершей плат над молящимися, как оберег. Соседи с запада – шведы, потомки варягов, промышлявших грабежом по всей Европе, всегда были не прочь разорить и русские земли, в 1563 году в соседней Кондопоге сожгли православную церковь. А теперь и свои мерзавцы расплодилось: 10 августа 2018 года 15-летний подонок-сатанист сжег построенную в 1774 году на месте сожженной шведами уникальную шатровую Успенскую церковь.

Через четыре года я был в Кижях уже летом и меня поразили пронзительная синева озера и зеленый ковер острова, сплошь усыпанный одуванчиками, как ночное небо звездами. Это было в июле, но на севере они расцветают позже. Конечно, знаменитые храмы, с куполами и кровлями цвета старинного серебра, остаются главным впечатлением, но образ формируется уже иной.

Мороз внес коррективы в планы устроить дневку: сколько бы мы не «бродили» по окрестностям, все равно большую часть времени пришлось бы провести в тесноте, в «спертом» москвичами воздухе. Поэтому рано утром мы стали тихонечко собираться. Несколько столичных девиц уже проснулись и сидели с всклокоченными волосами на матрацах, наблюдая за нами. Когда мы взяли в руки рюкзаки и лыжи и пошли к двери, вслед нам донеслось тихое: «Идиоты!» И спустя 52 года, я с ними, тогдашними москвичками, совершенно согласен. Только не во множественном числе, а в единственном, имея в виду руководителя. Казалось бы, совершили в 40-градусный мороз дневной ледовый переход через Большой Онего, переночевали в заснеженном лесу с волками, добрались до острова Кижы – главная цель путешествия достигнута! Повалаясь бы денек-два на спальниках, дождались самолет и в Петрозаводск к друзьям-студентам. Кто бы нас осудил? Но, нет! Мы пошли дальше.

2 февраля

От острова Кижы до поселка Великая Губа 24 км строго на север. Для зимнего похода с тяжелым рюкзаком за плечами – это много. Но весь путь пролегал по снежной, укатанной по озеру дороге – «зимнику», маркированному еловыми ветками. По этой дороге зимой с материка снабжаются Кижы и Сенная Губа, мы же зашли туда с необитаемой стороны, «коротким» путем через Большое Онего. Дорога местами петляет.

Иногда в теплую зиму попадают места с полыньями и промоинами – напрямик нельзя. По берегу кое-где видны отдельные домишки и деревеньки, скорее всего, нежилые, брошенные. А когда-то эта местность была густо населена крестьянами, торговым и даже рабочим людом. На самом Кижском погосте-округе к концу XVII века были открыты несколько медеплавильных заводов. Количество прихожан в Кижском приходе, по данным на 1785 год, составляло 2358 человек.

Что представлял из себя северный дом, видно на примере дома Ошевневых. Это первое строение, которое в 1951 году перевезли на заповедный остров. Работы по перевозке, сборке и восстановлению дома проводила бригада местных плотников под руководством архитектора А.В. Ополовникова, основоположника создания музея «Кижы».

Дом построили Ошевневы в 1876 году на Большом Климецком острове (на этом острове мы ночевали в разрушенной баньке) в деревне Ошевнево, состоявшей из четырех домов. В доме под одной крышей размещались не только жилые покои, но и все хозяйственные помещения – в мороз не набегаешься на скотный двор. С улицы на второй этаж был даже отдельный въезд, его называли взвоз – настил из тонких бревен, по которому на лошадях завозили сено, тяжелые бочки, доски.

Ст. научный сотрудник Кижского музея-заповедника Виола Гущина собрала исторические сведения о доме Ошевневых и разместила их в интернете:

«В 1888 году в семье Ошевневых родился сын Фёдор. В 26 лет он женился на Марии Ефимовне Денисовой. Венчались они в 1914 году в Преображенской церкви. В это время, по воспоминаниям Марии Ефимовны, в доме жили ее свекор Василий Кузьмич со свекровью, 80-летний дядя свекра с женой, три золовки и дальняя родственница – старушка Екатерина Ивановна Ошевнева. Для нее в летнее время была выделена светелка, а зимой всей большой семьей жили в зимней избе.

С 16 лет в доме жил Василий Кузьмич Ошевнев (1860–1924). В его семье росло семеро детей – два сына и пять дочерей. Ошевневы держали шесть мереж (рыболовная снасть-ловушка, натянутая на обручи сетка), рыбачить ездили обычно два раза в неделю на весельных лодках, ловили красную рыбу – лосося, а также щук, лещей, ряпушку. Свежую рыбу отправляли пароходом для продажи в Петрозаводск».

Непонятно только, зачем нужно было ломать вековой уклад жизни, проводить индустриализацию и коллективизацию, загонять людей в барачные поселки и исправительно-трудовые лагеря, проводить массовые репрессии, нести неисчислимые жертвы в Великой Отечественной войне, чтобы отдать потом все национальные богатства страны кучке жирующих олигархов.

Цивилизация пришла в это места вместе с ГУЛАГом. В 1930 году советское правительство приняло решение о строительстве Беломоро-Балтийского канала. Административным центром стройки и Беломоро-Балтийского исправительно-трудового лагеря (Белбаллага) стала станция Медвежья Гора и поселок при ней (ныне город Медвежьегорск).

«В семье Фёдора Васильевича Ошевнева было восемь детей, пятеро из них умерли в раннем возрасте. В 1929 году семья Ошевневых сдала в колхоз трех телят, лошадь, четырех овец и трех коров (одну оставили). Через год, в 1930 году, Фёдор Васильевич уехал на Оленьи острова на известковые разработки, где проработал до 1937 года». Дом в это время приходил в запустение, как и сотни, тысячи таких же во всем Обонежье.

По расстоянию Великая Губа примерно на полпути между Петрозаводском и Медвежьегорском. В Медвежьегорске, кстати, снимал свой, так любившийся народу фильм «Любовь и голуби», оscarоносный режиссер Владимир Меньшов. Но от северного дома отказались – соорудили новодел, с крылечка которого Надя (Нина Дорошина) честила своего нерадивого мужа Васю Кузякина. А вот пирс, на котором дядя Митя (блистательный Сергей Юрский) и Василий (Александр Михайлов) пиво из бидончика в кружки разливали, истинно медвежьегорский! Я всегда, когда эту сцену вспоминаю, невольно слюнки сглатываю. Гениальный режиссер, когда снимал фильм, знал толк в радостях жизни простого советского работника!

Иди себе, да иди. Если бы не мороз, который никак не спадал. Поэтому, когда идешь – согреваешься, останавливаешься передохнуть – сразу мерзнешь. Такая вот с медицинской точки зрения полезная тренировка сосудов.

Я уже упоминал, что через четыре года вновь побывал в Кижях, но уже летом. Нас было пятеро: трое ребят и две девушки, и путешествовали мы налегке с двумя палатками. В Кижы мы попали из Петрозаводска на «Ракете» – скоростном теплоходе на подводных крыльях. Не торопясь обошли весь остров, поглядывая с разных точек на главный ансамбль, оставив его на завтра. Провели необычную ночь: незримое присутствие рядом устремленного ввысь, в звездное небо, двадцатидвухглавого храма навевало мысль о Божественном единении человека с Вечностью. Правда, тогда я так возвышенно не думал, но тогдашнее состояние соответствовало ныне сказанному.

На следующий день мы бродили и сидели возле храмов, выбирая ракурсы и освещение. Мой неказистый ширпотребовский фотоаппарат ФЭД был заряжен единственной на все наше путешествие цветной слайдовой пленкой ORWOхром (купить ее было невозможно, только «достать»), и приходилось тщательно выбирать каждый кадр. Стояла июльская жара, как будто это был вовсе не Север, цветущие одуванчики буквально засыпали зеленый ковер острова. Девчонки пораньше ушли на стоянку готовить обед, но прежде полезли купаться, хотя обе не умели плавать. Оставили их одних только на полчасика, и тут же к ним «прикадрились» два парня и галантно предложили научить их плавать. И когда мы «нарисовались», на мелководье среди камней легкомысленно плескались две парочки. Меня подобное предательство, конечно, возмутило (сказался недостаточный опыт общения с женщинами). Но ребята повели себя доброжелательно, задираться не стали, и когда выяснилось, что они местные, я стал расспрашивать их, как попасть к часовне в деревне Подъельники (еще дома я порылся в литературе, разрабатывая маршрут). Они сами предложили доставить нас туда – оказывается, эти два паренька (имен их я уже не помню) составляли команду маленького буксира. Мы быстренько погрузились на причале и продолжили свое путешествие.

Деревни Подъельники, основанной еще в 1563 году, давно уже не существовало. На пустынном берегу нас ожидала миниатюрная часовенка в честь Параскевы Пятницы и Варлаама Хутынского с разрушающейся звонницей колоколенки, в окружении вековых елей на фундаменте из серых валунов – довольно живописная картина.

Глядя на мои восторги, наши гиды-капитаны решили доставить нас и на Волкостров, о котором я тоже расспрашивал. Там, к северу от о. Кижы, на пути к Великой Губе, находилась самая большая и одна из древнейших часовен Заонежья (датируется концом XVII – началом XVIII века) в честь апостолов Петра и Павла с диковинной галереей-гульбищем, не встречающейся больше у других памятников деревянного зодчества Кижского ожерелья. Зимой дорога по замерзшему озеру пролегла мимо Волкострова и часовню мы не заметили. Теперь можно было наверстать упущенное, но вблизи берегов и островов глубина небольшая, а дно Онежского озера каменное. Поэтому каждое передвижение вне отмеченного фарватера сопряжено с опасностью повредить винт кораблика или прочно сесть на камни. Когда мы, постукивая днищем о камни, осторожно пробирались к Волкострову, по радиации сообщили, что буксир давно разыскивают и чтобы судно немедленно шло на базу в Великую Губу. Как предположили ребята, видимо, с причала «настучали» начальству, что они отправились катать туристов. Поэтому к берегу Волкострова мы причаливать не стали, а сфотографировали часовню со стороны озера

и отправились в Великую Губу. Нам туда и нужно было, чтобы уйти на Яндомозеро к Варваринской церкви.

Однако пора уже вернуться назад, в зиму 1969 года.

3 февраля

Выходим поздно. Усталость накапливается, все труднее покидать теплое помещение и снова выходить на мороз. Проходим 7 км по шоссе, соединяющему Великую Губу с Медвежьегорском, и сворачиваем налево. Далее память ничего примечательного не сохранила, приходится обратиться к отчету: «По дороге до Ламбас Ручья (ударение во втором слове местные ставят, почему-то, на первом слог) 12 км. Дорога идет по пересеченной местности (частые подъемы и спуски). Последний большой спуск приводит в поселок». Это все, что записано в отчете.

В Ламбас Ручей мы пришли, когда уже стемнело. Он весь состоял из двухэтажных барачков из бруса, был освещен огнями и, казалось, гудел, как пчелиный рой. Оказывается, это был поселок лесозаготовителей и мы попали туда в день зарплаты, когда половина мужского населения уже находилась в лежачем положении, а вторая еще добиралась до нужной кондиции. На глаза подвыпившим мужикам с тремя девчонками попасться не следовало, и пока, сбившись в кучку, остальные стояли в сторонке, я выбрал на свету мужичка попримечательнее, и спросил у него, есть ли здесь школа или какая-нибудь контора, где можно переночевать. Он с недоумением оглядел меня – в бахилах и энцефалитке – и я, доверившись (спиртным от него не пахло), кивнув на группу, уточнил, что мы туристы и нас девять человек. «Пойдемте со мной» – коротко сказал мужчина. Идти оказалось совсем рядом. В одном из барачков мы поднялись на второй этаж, он открыл одну из дверей и сказал: «Ночуйте здесь!» Мы зашли в квартиру. Оказывается, жену наш благодетель сегодня отвез в роддом, а теща строго-настрого наказала ему ночевать у нее на глазах, потому квартира все равно будет пустовать. «А ключ утром положите под коврик!» – добавил он и ушел.

Многие сейчас могут не понять, под какой «коврик». На полу под дверями, снаружи, о который ноги вытирают. Раньше так практиковали: если нужно было ключ оставить – свали его под коврик или бросали в прибитый на дверях (тоже снаружи) почтовый ящик.

Это, конечно, было блаженство: вода из-под крана, электрический чайник, застеленная кровать, сервант с какими-то чашечками-рюмочками, салфетки с кружавчиками... Помню, что на полке в серванте лежали золотые колечки и перстенок.

Догадался набрать в поисковике «Ламбас Ручей». Оказывается, так поселок пишется на картах и в официальных документах, а произносится одним словом – ЛамбасРучей. Потому и ударение на «У». Наткнулся на путевые заметки 35-летнего современного интеллектуала-экстремала, путешествующего в одиночку без палатки, но, видимо, достаточно состоятельного, чтобы не тащить все на себе. Пишет толково, не без иронии по отношению к действующей власти и с горечью за поруганную державу и ее народ; фото-съемка – профессиональная, качественная. Нашел у него:

«Ламбасручей – это настоящая русская деревня нового века, со всеми вытекающими: деревянной, посеревшей от времени застройкой, ямами и лужами на центральной, тянущейся на километр, улице. Ламбасручей – деревня запойная, с часто повторяю-

щимся криминалом на бытовой почве. Увидеть пьяного, празднично шатающегося по улице здесь все равно, что в Карелии грибы в лесу собирать».

Грустно. Полвека прошло. И ничего к лучшему. Напротив.

4 февраля

Вышли опять поздно. Тщательно все прибрали за собой, долго думали, как отблагодарить хозяина, но, по-моему, ограничились запиской. Не оставлять же ему банку тушенки или сгущенки, а денег у нас самих было в обрез – неизвестно, что нас еще ожидало. Я бы оставил штык Миши Зиновьева, но об этом даже заикаться было нечего. Хозяин так и не появился, поэтому мы положили ключ от квартиры под коврик, как было велено, и отправились далее по маршруту.

Видно, ночлег с комфортом подействовал расслабляюще – тащились еле-еле. Чтобы не раздражать всех, подгоняя, и самому не раздражаться, пошел первым. Здесь опять следует обратиться к отчету.

«Выйдя из поселка, спускаемся к озеру. Здесь от причала, двигаясь на север вдоль восточного берега узкого, длинного полуострова, выходим в Уницкую губу. Правый берег крутой и скалистый, левый берег закрывает цепь островов. Через 6 км, свернув на запад, пересекаем узкий остров. Открывается левый берег и в километре-полтора на нем деревня Пегрема. В деревне до 2 десятков домов, но зимой здесь живет только одна семья».

Беспокоить хозяев мы не стали. На краю деревни, окруженная лодочными «амбарами», сохранялась часовня, обшитая «на городской манер» тесом. Так поступали в XIX веке, обшивая бревенчатые стены и окрашивая их «под городские каменные». Таким образом, было обезображено множество памятников деревянного зодчества Русского Севера, но, возможно, этим самым, некоторым из них продлили существование. Из Пегремы, покрутившись немного возле часовни и выйдя на северную окраину деревни, вопреки здравому смыслу, мы отправились дальше на запад. Дело в том, что все столбовые дороги в Заонежье ведут с юга на север, также на север вытянуты узкие заливы Онего-озера берег – губы. Поэтому, если идти с востока на запад, как от Ламбас Ручья был проложен наш маршрут, то приходится последовательно пересекать заливы по льду, перемычки и острова между ними по заснеженному лесу по бездорожью.

Я снова пошел впереди, по едва заметной лыжне, сначала перелесками, потом тропа, петляя, углубилась в лес. Шел долго – километров пять, временами останавливался, поджидал остальных и снова шел дальше. Вышел к крутой насыпи, кое-как на лыжах взобрался на нее и очутился на накатанном шоссе. Постоял немного и стал переходить, но тут из-за поворота на большой скорости вылетел бортовой ЗиЛ. Здесь наш поход мог бы и завершиться. Я, от неожиданности остановившись на середине дороги, беспомощно затоптался, но шофер успел затормозить и резко вывернуть влево. Машина, врезавшись в сугроб у обочины, заглохла и зашипела разогретым радиатором. Шофер выбрался через дверцу пассажира на дорогу. Я тоже подошел поближе: «Извините!» Он посмотрел на меня и только махнул рукой: «Откуда ты только взялся!», и полез назад в кабину открывать капот. Если бы он свернул вправо, то просто вылетел бы с откоса вниз в лес, но он мчался по центру дороги и у него был выбор.

Постепенно поднялась вся группа. Также с трудом вскарабкавшись по крутому откосу, все выбрались на дорогу и застыли, вытаращив глаза. Я объяснил, что произошло. Водитель, копавшийся в двигателе, мельком взглянув на нас, сказал: «Да идите уже вы куда шли!» За все эти полчаса по дороге не прошло ни одной машины. Это же надо было так подгадать – выйти «прямо под колеса» едва ли не единственного мчавшегося по дороге автомобиля!

Далее лучше опять обратиться к отчету.

«Перейдя дорогу, движемся дальше узкой просекой по глубокому снегу. Через 1,5 км выходим на берег Лижмской губы. Губа уходит далеко на север, на юге открывается бескрайнее пространство Онего. Ветер на сей раз с севера, с устья. Пересекаем губу напрямик. Слева остается большой остров. Через 4 км достигаем цепи островов. Входим в узкий пролив между двумя островками, и в 1,5–2 км на берегу гостеприимно открывается маленький поселок лесозаготовителей Ватнаволоок. На ночлег устроились в конторе местного лесозавода».

5 февраля

Оказалось, что та злополучная дорога, где на меня выскочил грузовик, начиналась на лесоразработках, в трех километрах от того места, где я переходил ее. Так что, водитель только успел, как следует разогнаться, и уж никак не ожидал в этой безлюдной местности увидеть лыжника на дороге.

Это был седьмой день нашего путешествия, и только потом я узнал, что именно на этот день в туристских походах приходится пик усталости.

Конечно, выбирая или составляя маршрут, желательно знать местность и иметь соответствующий опыт, что в спортивном туризме – неперемное условие. Нужно также иметь по возможности подробные карту и описание маршрута. Ничего этого у нас не было. Вместо карты, как я уже упоминал, была примитивная схемка – калька, снятая с шестикилометровки, с указанием только населенных пунктов по нашему маршруту, и никаких дорог или тропинок. Так что шли большей частью наобум, расспросить тоже было некого.

Поход II категории сложности – простой, но, конечно же, не в таких экстремальных условиях. Если идти зимой в малонаселенную местность, в лес, без пилы и печки – это безрассудство; то выходить на маршрут в 40-градусный мороз с группой, где больше половины участников новички – это, даже не знаю, как назвать!

Руководитель не обязан идти впереди группы, но он должен знать, куда идти. Руководство – это вовсе не значит, что «я здесь главный и все должны мне беспрекословно подчиняться». Напротив, это дополнительная нагрузка в виде «второго рюкзака», только с грузом ответственности.

Пройдешь 5-6 километров, проваливаясь, цепляясь за кусты и петляя по заснеженному лесу, и выйдешь на берег. А перед тобой ледяная гладь очередной «губы» и противоположный берег в морозной дымке, тоже в 5-6 километрах. Там, где-то «за лесами и озерами», притулилась на берегу деревенька, которую и в упор можно не разглядеть, как это было с нами в Леликово. Вот стой и думай: «А там ли ты вышел и придешь ли туда, куда нужно?» И группа стоит, ждет, а тебе принимать решение. Мороз минус 40 граду-

сов – минуты 2-3 постоишь и «затанцуешь». Рюкзак оттягивает плечи, стоит его снять, как сразу нагретую спину пробирает холод – лучше согнуться пополам, и стоять, уперев руки в колени, чтобы рюкзак лежал на спине и не тянул вниз. И «отдыхать» в такой позе. Но идти все равно нужно.

Однако вернемся в зиму 1969 года. Восьмой день путешествия по отчету.

«В 8-10 км к северу от Ватнаволока, на западном берегу Лижемской губы, большая деревня Лижма, но мы по-прежнему двигаемся на запад. 4 км по дороге идем до станции Илемсельга, от нее еще 6 км по шоссе до ст. Мянсельга».

В нескольких километрах юго-западнее одноименная деревня, но мы не знали, жилая ли она. Заночевав там, мы должны были дальше идти по ненаселенной местности к озеру Санда и, перейдя его, подняться вдоль западного берега к поселку Сопоха. Это по схеме составляло около 40 километров (на самом деле, конечно, больше) и предполагало два дневных перехода с холодной ночевкой. Мы уже знали, что это такое и искушать судьбу не стали. Поэтому сели на какой-то, кстати подвернувшийся «пятьсот-веселый» поезд, со стоянкой в одну минуту, собирающий местное население на маленьких станциях, и поехали в Кондопогу. В СССР № 1 носил фирменный поезд «Россия» Москва – Владивосток: весь состав – сплошь купейные вагоны; в первой сотне номеров были скорые поезда; ну а за 500 и дальше – местного сообщения с общими вагонами весьма неприглядного вида, но дешевыми билетами. Ночевали мы, как помнится, на вокзале: частью на полу, подстелив под спальники палатки; частью на массивных дубовых «МПСовских» скамьях, которыми были заставлены залы ожидания всех вокзалов страны.

В начале XX века село Лижму и станцию Илемсельга снимал знаменитый фотограф Сергей Михайлович Прокудин-Горский, пионер цветной фотографии в России. Но узнал я об этом только сейчас, когда готовил этот материал.

6 февраля

Кондопога находится на железнодорожной ветке, соединяющей Санкт-Петербург (тогда – Ленинград) с Мурманском. Отсюда мы спокойно могли доехать до Петрозаводска или напрямик до Ленинграда и далее домой, в Смоленск. Но у нас по плану было еще три дня путешествия и мы не посетили еще одну известную нам (кроме Кижей) достопримечательность Карелии – водопад Кивач. Считается, что именно Кивач вдохновил российского поэта эпохи Просвещения, сенатора и правителя Олонецкого наместничества Гавриилу Романовича Державина на написание знаменитого стихотворения «Водопад».

«Алмазна сыплется гора С высот четыремя скалами, Жемчугу бездна и серебра Кипит внизу, бьет вверх буграми; От брызгов синий холм стоит, Далече рев в лесу гремит. Шумит, и средь густого бора...» и далее еще целая минипоэма. Кроме того, известно было от петрозаводчан, что в Киваче есть небольшой музей природы, а у нас в группе было четыре студента естественно-географического факультета Смоленского пединститута. Грех было упустить возможность побывать там. И мы поехали на автобусе по автодороге Кондопога–Гирвас и, выйдя на повороте на Кивач, прошли еще 8 километров до заповедника.

Я, признаться, помню от Кивача, только замерзшую среди камней глыбу льда. Лена Тарасова настаивает, что был еще музей, с какими-то полочками и экспонатами на них, но память моя ничего этого не сохранила. В заповеднике «Кивач» ночевать было негде. Наш дальнейший маршрут пролегал на юг, к деревне Викшица, и далее к конечному пункту – поселку Кончозеро. Это еще 25 километров. Но я подумал, и мы отправились поближе, в пропущенную нами Сопоху. Тащиться вдоль дорог от деревни к деревне в лютый мороз было бессмысленно, но Сопоха находилась в 9 км, и там можно было сделать отметку в маршрутной книжке. В поселок мы пришли засветло. Он раскинулся вдоль берега озера Сандал. Сразу обратили на себя внимание добротные, не северного типа, обшитые «вагонкой» дома. Над заснеженными крышами вился из труб уютный дымок. Но именно здесь мы впервые столкнулись с тем, что куда бы я не постучал, нам или вообще не открывали, как будто никого не было дома, или отказывали в ночлеге через закрытую дверь. Между тем, эти короткие переходы от дома к дому и топтание на месте действовали угнетающе: тепло было рядом, а попасть туда было невозможно. Особенно жалко было смотреть на Исачкина, в его «несменяемых» (и одном из них прожженном) лыжных ботиночках. На одном из домов он заметил снаружи градусник – на нем, даже глядя снизу, было минус 45 градусов.

Наконец, в одном из домов мне открыли. В доме (избой это было назвать нельзя) было жарко натоплено, и меня поразило, что впустивший меня мужчина был в толстом вязаном свитере и бурках. Разговор шел в просторной прихожей, в приоткрытую дверь была видна большая, чистенько прибранная комната. Я заговорил о ночлеге, и мужчина спросил: «Сколько вас?» Я ответил, и он сразу замотал головой: «Нет, нет! Будете тут ходить, выстудите весь дом». Я стал убеждать его, что мы замерзли и устали, и сразу ляжем тихонечко здесь в передней. Но он уперся: «Здесь места всем не хватит. Будете ходить, дверями хлопать». Места нам хватило бы с лихвой, но, видно, что-то было не так. Я напрягся, сжал зубы и процедил: «Девчонок хотя бы троих возьмите!» Хозяин помялся и ответил: «Ну, пусть заходят».

И здесь из комнаты послышался женский голос: «Пусть к русской выселенной идут, там все поместятся!» Сама хозяйка так и не показалась.

Но, поскольку «добро» вроде бы было дадено, я вышел и скомандовал: «Девчонки, заходите!» Но неожиданно для меня засуетились все, взяли за рюкзаки. Я повторил: «Только девочки!» Девчонки опешили и выпрямились: «А вы куда?» «А мы как-нибудь устроимся» «Нет! Мы без вас не пойдем!» Я чуть не задохнулся: «Спасибо, что хотя бы вас берут! Вы понимаете, что без вас нам легче будет устроиться?» Хотел обмануть, а они уперлись: «Нет! И все! Мы только с вами». И ребята стоят молча.

Я в сердцах снова зашел в дом и спросил у хозяина: «А где эта, ваша выселенная, живет?» Он оживился и даже вышел со мной, в чем был, на крылечко и показал пальцем: «Вон там! Совсем недалеко».

И мы пошли в низинку, на самый край поселка, куда было указано. Черная бревенчатая изба вросла в землю. Уже стемнело, весь поселок остался позади нас. Я постучал в дверь. Никто не откликнулся. Постучал еще раз сильнее кулаком. Тоже тишина. Кто-то из ребят побарабанил в дверь пяткой. Прислушались: вроде бы что-то «грюкнуло», и снова тихо. Стоим, сгрудившись в темноте перед дверью, и слушаем тишину. Но впечатление такое, что и с той стороны слушают. Я стал громко говорить в дверь, что мы туристы, что у нас три девушки и нам посоветовали обратиться сюда, чтобы

устроиться на ночлег. И, немного погодя, дверь, щелкнув засовом, все-таки открылась. Хозяйку звали Анна. Возраст ее было трудно определить, она вся была замотана в какое-то тряпье, но на вид ей было не больше сорока. Изба была не ее. Видимо, ее выслали из Ленинграда, как тогда говорили «за 101-й км», и ей досталась Сопоха, а уж местный поссовет определил ее в бесхозное жилье. Был такой указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 года «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни». По этому указу, кстати, был выселен «за тунеядство» в деревню Норенская Архангельской области будущий лауреат Нобелевской премии по литературе, поэт Иосиф Бродский.

В доме было пусто, но были стол и несколько лавок, в углу нары, заваленные старыми одеялами и разным хламом. Печь в избе не топилась, температура в доме была, как и на улице. Оказывается, у хозяйки вообще не было дров. Спросил: «Есть ли пила?» Она мотнула головой: «Есть!», и указала в темноту сеней. С фонариком с трудом нашли ржавую и тупую, но зато двуручную пилу. Осталось только подпоясаться кушаком и отправиться в лес на заготовку дров (такая мысль, насчет леса, действительно была). Но ребята уже подсутились и сказали, что совсем рядом стоит дом без света в окнах и возле него большая поленница дров. Анна сказала, что это дрова поссовета и их не разрешают брать. Мы ее уверили, что уже темно, и никто не увидит. Дрова оказались метровыми плахами половинок бревен, и чтобы засунуть в печь, их нужно было распилить, по крайней мере, на три части. Возле поленницы нашлись и полуразвалившиеся козлы. Для удобства мы перетащили их, а также десятка два дровяных плах к дому Анны, и работа закипела.

Труднее всего было растопить печь. Бумаги в доме не было, лучина еле тлела, а сырые дрова только шипели. Но кое-как справились. Печь топилась уже целый час, но изба была настолько выстужена, что девчонки даже не снимали курток, так и стояли, не раздеваясь и помешивая в котлах. Ребята, на перемену, бегали согреться на улицу к козлам, шаркая там ржавой пилой и разваливая на поленья заледеневшие плахи. Хозяйка, сразу же, как мы зашли в избу, снова зарылась на нарах в свои тряпки, и только поблескивала иногда глазами в отсветах пламени, когда открывали печную дверку, чтобы подбросить дров. У меня такое ощущение, что и света электрического в избе не было, в памяти остались только темные углы, да эти печные всполохи. Уговорить хозяйку сесть с нами за стол мы так и не смогли, но миску какую-то она принесла и, когда мы наполнили ее, тут же утащила ее в свой угол. Видно, бедолага, так намерзлась за эти дни, что ей уже страшно было покинуть это свое едва согретое местечко.

Да мы и сами находились и намерзлись, «наперекусывались» сухомягиной, не только не мытые, а часто и просто неумытые, не раздеваясь спавшие на снегу, на полу, на полатах и лавках. Только в Сенной Губе двое понежились на печке, да в Ламбас Ручье нам повезло несказанно... И вот, посмотрев на уставших и безропотных (кроме только что состоявшегося женского «бунта») своих подопечных, я понял, наконец, что «Хватит!» И сказал: «Девчонки, доставайте и нарежьте все, что осталось на перекусы. Завтра едем в Петрозаводск!» И достал из рюкзака фляжку. Никто не кричал: «Ура!» (а должны были бы!). Но сразу наступило оживление, пошли какие-то шутки-прибаутки, зазвучал девчоночий смех, все стали разоблачаться, разматываться, полезли в рюкзаки

за мисками и кружками. Спирта тем, кто не отказался, хватило грамм по 30 каждому, оставшееся мы допивали уже дома у кого-то (не помню уже) за столом с закусками. На следующий день мы уехали автобусом в Петрозаводск. Покидая «гостеприимную» Сопоху (в Петрозаводске нам сказали, что это финское поселение и населяли его тогда преимущественно финны), мы оставили хозяйке дров, как минимум, еще на три дня топки, как в рыбацкой хижине на мысе Чажनावолок. По иронии судьбы, отправившись в поход без пилы, мы в первый и последний дни своего путешествия провели за «пилкой и колкой» дров.

Заключение

В Петрозаводске, который расположен всего в 50-60 км южнее района нашего путешествия – Заонежья, оказалось почти наполовину теплее – всего каких-то минус 25 градусов. Хоть разоблачайся до рубашечки и закатывай рукава. До поезда на Ленинград у нас еще было время, и мы отправились в общежитие Петрозаводского госуниверситета поделиться впечатлениями о походе со своими карельскими друзьями и хоть немного привести себя в порядок. Нам выделили комнатку, мы начали перетряхивать рюкзаки, и вдруг в соседней комнате раздался дружный радостный вопль. Оказывается, рядом располагались одесситы, с которыми мы начинали свои путешествия от мыса Чажनावолок. Свой поход они закончили в первый же день: из Узкой Салмы их лесовозами вывезли к железной дороге, а оттуда они уехали в Петрозаводск. А радостным воплем они встретили двух своих ребят, выписавшихся из больницы, куда с обморожениями ног их доставили санитарной авиацией. О чем мы тогда и узнали. Они прошли 12 км, а мы свои 120.

Было бы несправедливо не упомянуть еще раз участников путешествия. Прежде всего – девочек. Таня Сидоренко – худграфовская первокурсница поход прошла достойно, но больше я не помню, чтобы ее видел в турклубе.

Елена Тарасова и Ирина Смушкович – это настоящие «боевые подруги». Вместе мы прошли маршрут по Западному Саяну с выходом на священное озеро Кара-Холь; провели несколько сезонов альпинистских восхождений в горах Кавказа; попутешествовали по Приполярному Уралу со сплавом по реке Косью; прошли в феврале, перед окончанием института, «дембельский» поход по Крыму, зайдя с «тыла» и спустившись с гор в зимнюю Ялту (потом, я увидел ее в точности такой же в фильме Сергея Соловьева «Асса»).

По окончании института обе они уехали по распределению (сами напросились) работать на Камчатку. Там прожили довольно долго, но неустроенность жизни и бесперспективность получения жилья вынудили их вернуться в Смоленск. Лена с мужем и ребенком раньше, Ирина чуть позже.

Лена посвятила себя детскому туризму, проработав в Областной СЮТур много лет до самого недавнего времени. Вся ее семья: дочь, зять, сын, невестка и две внучки – спортсмены, бегают по лесу с компасом и картой, причем на всероссийском уровне. Леночка – рачевский житель, и мы иногда встречаемся в цветочном окружении на ее приусадебном участке в скромном застолье под бдительным надзором хозяйской кошки Басинды. Иногда к нам присоединяется внучка Елены Катенька (она зовет ее – «Катюшка») – совершенно очаровательное создание. Катюшка – панк-рок-певица, ездит с группой по городам, кричит что-то в микрофон на иностранном языке, старается. Но

я этого не понимаю: ни языка, ни музыки. Мне как-то ближе Галич, Визбор, Окуджава, Городницкий...

Ирина уже лет двадцать с лишком, как живет в Германии, куда переехала на постоянное место жительства вместе с сыном. В майских горах (альпинисты и туристы-горники знают, что это такое) при траверсе вершины Софруджу мы (в группе было 5 человек, а Ирина единственной девушкой) попали в грозу на скальном ребре, не успев выйти с перевала Западный Аманауз (ЗА) на снежную вершину и провели ночь на узкой полочке, в провисавшей на забитых крючьях палатке. Могли и не вернуться. Трое из нас по возвращении попали в больницу. А Ирина в том же году прошла в составе сборной группы Центрального Совета по туризму и экскурсиям умопомрачительную по сложности горную «пятерку» (поход высшей категории сложности). Сын ее, истинный европеец, ничего этого о подвигах маминой молодости не знает. Катюшка переправляла мои эти «россказни» о зимнем походе в Карелии в Германию, и говорит, что Ирина их читает и утирает слезы: «Неужели мы все это выдержали?»

Судьба, в то время студентов естественно-географического факультета, Сергея Шаповалова и Валерия Фомичева мне неизвестна. Наши жизненные пути больше не пересекались.

Миша Зиновьев, который ходил в поход, будучи профессионалом – инструктором облсовета по туризму и экскурсиям, ведавшим самостоятельным (спортивным) туризмом, – ушел работать на производство, и за эти годы я встречал его раза три (последний раз просто не узнал).

Женя Крюков, мой однокурсник, в походы больше не ходил. Иногда «пересекаемся» в городе, стоим 1,5–2 минуты:

- Ну, как ты?
- Все так же. А ты?

С Володей Исачкиным, тоже моим однокурсником, мы прошли еще два «севера» и два четыре были в горах. После Карелии, где Исачкин освоил простенькую «Смену», он с фотоаппаратом не расставался. В неработающей душевой в общежитии, ему разрешили оборудовать примитивную лабораторию, и он засыпал там, уронив голову возле фотоувеличителя. Потом, уже после окончания института, когда мы от станции Плесецкая (это там, где сейчас космодром), тряслись в общем вагоне поезда Вологда–Мурманск, добираясь в Беломорск к петроглифам (наскальным рисункам), под головой у него на полке в рюкзаке лежал фотоаппарат Rolleiflex six, стоимость 4000 западногерманских марок (это в советское-то время!). Он тогда уже работал на заводе «Кристалл», «сымал» для рекламных изданий бриллианты, которые презрительно-ласково называл «камешки», красные знамена за победы предприятия во всех соревнованиях, свадьбу дочери директора завода...

Сколько помню, он всегда был очень занят. Сейчас ему тоже некогда, также свадебки «сымает». Раньше я встречал его 5-10 раз в год, теперь раз в 5 лет. Еще лет двадцать после наших путешествий он озабоченно проговаривал при встрече: «Надо альбомчик сделать по Северу!» Потом уже, бывало, обмолвится по привычке про «альбомчик» и самому смешно. Сейчас столкнемся случайно в городе нос к носу:

- Привет!
- Привет!

И больше сказать нечего...